

Ясунари Кавабата

Отраженная луна

Однажды Кёко догадалась с помощью ручного зеркала показать свой огород больному мужу, лежавшему в постели на втором этаже. Уже одно это словно бы открыло перед ним новую жизнь. Но случилось и многое другое.

Что это было за зеркало? Оно хранилось в ящике туалетного столика, который она привезла с собой в дом мужа. Это было ее приданое. Туалетный столик и оправа ручного зеркала были из тутового дерева. Первое время после женитьбы она пользовалась им, когда разглядывала, хорошо ли уложены волосы на затылке. Рукав кимоно соскальзывал, обнажая руку до самого локтя, и Кёко помнит, как она стыдливо краснела тогда. То самое ручное зеркало...

Когда Кёко после купанья садилась перед туалетным столиком, муж говорил: «У тебя не получается, дай-ка мне – я подержу». Он отбирал у нее ручное зеркало и под разными углами поворачивал, чтобы она лучше видела свой затылок в зеркале туалетного столика, и сам при этом таял от удовольствия. А у нее не то чтобы не получалось. Ей было просто неловко, когда муж стоял сзади и пристально смотрел на нее.

С той поры прошло не так уж много времени, тутовая оправа ее зеркала еще не успела покоробиться, но была война, эвакуация, тяжелая болезнь мужа, и, когда Кёко впервые надумала показать мужу огород, само зеркало уже потускнело, а оправа сделалась грязной от пыли и вьевшихся в нее просыпанных белил. Ее это мало заботило, скорее она просто не обращала на это внимания, потому что и в таком зеркале огород виделся ясно. Но муж, который с тех пор не расставался с зеркалом и держал его у изголовья, от вынужденного ли безделья или из-за свойственной больным раздражительности очистил оправу от грязи и отполировал зеркало. Да и потом Кёко часто замечала, как муж дышит на него и тщательно протирает. Ей нередко приходили мысли, что вот он дышит на зеркало, и в невидимых глазу трещинах деревянной оправы застревают туберкулезные палочки... Расчесывая ему волосы, Кёко смачивала их маслом камелии, а он проводил ладонями по волосам и принимался полировать оправу, и она сверкала точно лакированная, а туалетный столик так и стоял потускневший.

Снова выйдя замуж, Кёко захватила столик с собой, в качестве приданого.

Но ручное зеркало она сожгла, когда хоронила мужа. Новому мужу она об этом ничего не сказала. Теперь на туалетном столике красовалось новое ручное зеркало с оправой камакурской резьбы.¹

Скончавшегося мужа положили в гроб, переплетя, как предписано обычаем, на груди пальцы рук. Поэтому вложить в его руки зеркало не представлялось возможным, и Кёко опустила его на грудь покойника.

Потом она переложила зеркало на живот, прошептала:

– У вас всегда болела грудь, как бы зеркало не стало излишней тяжестью.

¹ Комбинация резьбы с лакировкой. – Здесь и далее прим. переводчиков.

Она потому сначала положила зеркало на грудь, ближе к сердцу, что зеркало играло важную роль в их совместной супружеской жизни. Она не хотела, чтобы родственники мужа заметили зеркало, и прикрыла его белыми хризантемами. Погребальный огонь расплавил его. Оно выгнулось в толстую неровную трубку, закоптилось и пожелтело.

– Кажется, стекло! Что бы это могло быть? – удивился кто-то из родственников.

Дело в том, что на ручное зеркало Кёко положила еще одно – маленькое зеркальце из своего несессера. Оно было двустороннее, в форме тандзаку.² Кёко мечтала взять его в свадебное путешествие, но была война, и свадебное путешествие не состоялось. При жизни прежнего мужа ей так и не пришлось попользоваться этим зеркальцем.

Новый муж устроил свадебное путешествие. Несессер Кёко поистерся и даже заплесневел, поэтому она приобрела новый. Тоже, конечно, с зеркальцем.

В первый день их поездки, обнимая Кёко, муж прошептал:

– Ты совсем как девушка. Бедненькая!

В его словах не чувствовалось насмешки, скорее нечаянная радость. Наверно, ему и в самом деле было приятно, что Кёко выглядит так, будто никогда не была замужем. Но слова мужа глубоко ее опечалили. Она разрыдалась, сжалась в комок. А тот объяснил это себе опять-таки ее девичьей застенчивостью.

Кёко не понимала, плачет ли она из жалости к себе или к прежнему мужу. Она не могла отделить одно от другого. И тогда, почувствовав, что несправедлива к нынешнему супругу, что должна быть с ним ласкова, она сказала игриво:

– Разве? Неужели вы так разбираетесь в этом? – Но сразу же поняла, что допустила неловкость, и густо покраснела. Муж, напротив, светился довольством.

– У тебя и детей вроде бы не было, – сказал он и опять разбередил ей душу.

Столкнувшись с иной, чем у прежнего супруга, мужской силой, Кёко испытала унижительное чувство: словно в ней видят лишь игрушку для забавы.

– Но у меня было что-то вроде ребенка, – возразила Кёко и тотчас умолкла.

Даже «после смерти она воспринимала своего тяжело хворавшего мужа как ребенка, которого она растила внутри себя.

«Почему я, опасаясь за здоровье мужа, избегала близости, если было ясно, что он все равно умрет?» – подумала Кёко.

– Мори мне довелось видеть только из окна поезда. – Обнимая Кёко, новый муж назвал ее родной город. – Наверно, симпатичный городок, окруженный рощами деревьев. Недаром он назван Мори.³ Ты там до каких лет жила?

– Пока не окончила колледж. А трудовую повинность выполняла на военном заводе в Сандзё.

– Значит, ты родилась поблизости от Сандзё? Вот почему ты так хороша. Недаром говорят: красавицы из Сандзё, что в провинции Этиго.

– Вовсе я не красива. – Кёко прижала руку к груди.

– У тебя красивые руки, красивые ноги. Значит, и все остальное не хуже.

– Нет-нет! – Кёко почувствовала, что рука мешает ей, и отняла ее от груди.

– Если бы у тебя был ребенок, я все равно взял бы тебя в жены, – шептал он ей на ухо. – Усыновил бы его и любил, как собственное дитя. Лучше, конечно, если бы это была девочка.

Наверно, потому, что у него уже есть сын, подумала Кёко, но даже если его слова были проявлением любви, ей они показались неуместными. Скорее всего, ради нее он и свадебное путешествие устроил на целых десять дней, стараясь оттянуть ее встречу с сыном.

У мужа имелся добротный дорожный несессер, изготовленный из кожи. Несессер Кёко не шел с ним ни в какое сравнение. Тот был большой, прочный, хотя и не очень новый. Муж

² Тандзаку – продолговатый листок бумаги для написания стихотворений танка.

³ Мори – роща.

часто бывал в поездках, но, по-видимому, тщательно следил за своим несессером, поэтому он обладал особым лоском, присущим лишь старым добротным вещам. Кёко вспомнила свой прежний несессер – заплесневелый, хотя она им ни разу не воспользовалась. Только зеркальце из него она дала мужу и вместе с мужем отправила его в мир иной. То зеркальце, которое она положила в гроб поверх ручного зеркала... Они сплавилась друг с другом в огне; никто и не догадался бы, что там их было два. Никому и в голову не пришло, что причудливо спекшийся кусок стекла прежде был зеркалом. Сама Кёко об этом никому не сказала.

У нее было ощущение, словно безжалостно сожжено множество миров, отражавшихся в двух зеркалах. Она не целаала разницы между этой потерей и тем, что тело ее мужа превратилось в горстку пепла. Вначале Кёко, когда она захотела показать мужу свой огород, дала ему ручное зеркало, и он больше не расставался с ним, но вскоре и ручное зеркало стало трудно удерживать в руках подолгу, и Кёко приходилось всякий раз массировать ему кисти и плечи. Тогда она решила дать ему еще одно зеркальце – маленькое и легкое.

И пока в нем теплилась жизнь, муж с помощью двух зеркал мог видеть не только отражение ее огорода. Он видел в зеркале еще небо и облака, снег, дальние горы и ближний лес. Видел луну, полевые цветы и перелетных птиц. Там, в зеркале, люди переходили дорогу, играли дети в саду.

Кёко сама удивилась обширному и разнообразному миру, открывшемуся в маленьком зеркале. Зеркало – всего лишь предмет туалета, служащий для ухода за внешностью, тем более ручное зеркало, нужное лишь затем, чтобы в другом зеркале увидеть собственный затылок... А больному в нем сизнова открылись природа и человек! Присев у изголовья, Кёко тоже заглядывала в зеркало и размышляла вместе с мужем о том, что они видят. Со временем она перестала отличать настоящий мир от отраженного в зеркале. Они для нее сделались двумя самостоятельно существующими мирами, причем тот, новый, видимый в зеркале, даже начинал ей казаться более истинным.

– В зеркале небо светится серебристым цветом, – говорила она; потом выглядывала из окна и добавляла: – А из окна оно серое.

Небо в зеркале не вызывало гнетущего впечатления. Там оно и в самом деле светилось.

– Может быть, это потому, что вы так тщательно полируете зеркало?

Муж слегка поворачивал голову, чтобы поглядеть через окно на небо.

– Верно, оно сейчас тускло-серое. Кстати, человеческие глаза и, к примеру, глаза собаки или воробья – разве они видят небо одинаково? И кто скажет, какой цвет неба настоящий?

– А цвет неба в зеркале – тот, каким его видят глаза зеркала?... – Кёко хотела сказать – «каким его видят глаза двух нежно любящих». Отраженная в зеркале зелень деревьев была свежее, чем настоящая, а белизна лилий – ярче.

– Это отпечаток твоего большого пальца. От правой руки. – Муж показал на край зеркала. У нее почему-то екнуло сердце. Она подышала на зеркало и стала поспешно стирать след.

– Оставь. А знаешь, когда ты впервые показала мне огород, на зеркале тоже остался отпечаток твоего пальца.

– Я и не заметила.

– Ты не обратила внимания, а я теперь в точности знаю, какие следы оставляют твои большой и указательный пальцы. – Должно быть, только человек, прикованный к постели долгой болезнью, способен запомнить отпечатки пальцев собственной жены.

С тех пор как они поженились, он почти все время болел. Он даже не был на войне.

Собственный их дом сгорел, и они сняли комнату у знакомых Кёко. Муж тогда еще ходил на службу. Месяц с небольшим в собственном доме да два месяца в доме знакомых – вот все время, что муж не хворал при ней.

Когда война уже близилась к концу, его мобилизовали. Всего несколько дней он занимался земляными работами на одном из аэродромов, сразу же свалился и вернулся домой. В тот самый день окончилась война. Ходить он уже не мог, и Кёко увезла его в деревню, куда эвакуировались ее родители. Большую часть своего имущества, как и вещей мужа, она отправила туда загодя.

Он снял маленький домик в горах и начал лечиться. Кроме них в доме жила семья эвакуированных, но, поскольку война окончилась, они вскоре вернулись в Токио. Кёко в наследство остался небольшой огород – три на три кэна⁴ вскопанной в саду земли.

Здесь, в деревне, они могли покупать овощи у крестьян, но не то было время, чтобы отказаться от доставшегося им огорода, и Кёко теперь каждый день копалась в земле, с интересом наблюдая, как зреют выращиваемые ею овощи. Она увлеклась огородом не потому, что ей хотелось иногда побыть вдали от кровати мужа. Просто шитье и вязанье наводили тоску. К тому же работа на огороде вселяла в нее светлые надежды на выздоровление мужа, была своего рода произвольным проявлением ее любви к нему. А с мужем она и так проводила достаточно времени, читая ему вслух книги. И еще: оттого ли, что Кёко устала ухаживать за больным, но у нее появилось ощущение, будто все безвозвратно уходит, и она надеялась этой работой вернуть себе душевное спокойствие.

Они переехали в горы в середине сентября. Когда эти места покинули спасавшиеся здесь от жары столичные жители, зарядили обычные для ранней осени холодные дожди. Но однажды перед наступлением сумерек послышались веселые птичьи голоса и небо очистилось. Кёко вышла в огород, освещаемый яркими лучами солнца, и загляделась на сочную зелень овощей. Потом подняла глаза и залюбовалась розовыми облаками, плывшими над далекими вершинами гор. Она не сразу услышала доносившиеся со второго этажа крики мужа. Даже не отряхнув землю с рук, она помчалась наверх.

– Я ору во всю глотку! Неужели не слышно?

– Простите, я задумалась.

– Брось ты свой огород! Можно помереть, пока тебя дозовешься. И потом: я не знаю, где ты и чем занимаешься.

– На огороде я. Но раз вы требуете, я больше не пойду.

Муж успокоился.

– Слышала, как пела синица? – Он звал ее лишь для того, чтобы спросить об этом. Пока они разговаривали, из ближней рощи вновь донеслось пение. Роща отчетливо рисовалась на фоне вечернего неба. Кёко запомнила, как поет синица.

– Давайте купим колокольчик – так вам будет легче меня дозваться. А я пока положу какую-нибудь вещь у вашего изголовья. Если я понадоблюсь, бросьте ее в окно.

– Чашки, что ли, прикажешь бросать со второго этажа? Новое дело!

Муж все же не запретил Кёко возиться в огороде. Она догадалась воспользоваться зеркалом, чтобы показать мужу свой огород, лишь после того, как минула бесконечная, суровая в горах зима и наступила весна.

О, как она радовалась, когда простое зеркало возродило для больного мужа мир молодой свежей зелени! Он даже видел теперь, как Кёко снимает с листьев насекомых-вредителей. Но самих насекомых не различал, и Кёко несла их на второй этаж, чтобы показать мужу. Он наблюдал также за тем, как жена вскапывает землю.

– Я видел в зеркале дождевых червей, – говорил он потом Кёко. Нередко к концу дня, когда солнечные лучи падали косо, она вдруг ощущала на лице яркий свет. Кёко поднимала глаза и замечала, как муж там, наверху, наводит на нее зайчики. Он приказал ей сшить из дешевой ткани, хранившейся у него еще со студенческих времен, шаровары. Ему доставляло удовольствие глядеть, как жена в этих шароварах, синих в белый горошек, копалась на огороде.

Кёко знала, что муж видит ее в зеркале, но, увлекшись работой, иногда забывала об этом. Как же я переменилась с тех пор, когда в первые дни замужества смущалась даже из-за обнажившейся по локоть руки, вспоминала Кёко, и теплая волна подступала к сердцу.

* * *

⁴ Один кэн равен 1,81 м.

В те времена, когда Япония начала терпеть поражение в войне, Кёко вообще не красилась. Потом стеснялась пользоваться белилами и помадой из-за больного мужа и по-настоящему стала употреблять косметику лишь после второго замужества. Она замечала, как преображают ее белила и помада. Буквально на глазах она превращалась в красавицу. И она начинала верить в искренность нового мужа, так восхищавшегося ее красотой в первый день, когда они остались наедине.

Кёко уже не стеснялась, когда разглядывала себя в зеркале после ванны. Она видела свою красоту. Но покойный муж научил ее иному, чем у других людей, восприятию красоты, отраженной в зеркале, и это ощущение она сохранила. И не то чтобы она сомневалась в красоте, видимой в зеркале. Просто она уверовала в то, что в зеркале существует другой мир.

Но все же, когда она глядела на себя, а потом разглядывала свое отражение, она не ощущала той разницы, какая была между серым небом за окном и серебристым небом в зеркале. Может быть, это объяснялось не только разницей в расстояниях. Не исключено, что здесь играло роль тоскливое томление прикованного к постели мужа. Сколь прекрасной казалась ему работавшая на огороде жена, когда он разглядывал ее в ручном зеркале! Теперь уже Кёко не суждено об этом знать. И когда он был еще жив, она этого не понимала.

И она сама, какой ее видел в зеркале больной муж, и отраженная в зеркале синева цветов володушки, и белизна лилий, и деревенские дети, играющие на краю поля, и утреннее солнце, поднимающееся над далекими снежными вершинами... Кёко даже не столько пыталась оживить все это в памяти, сколько тосковала, томилась по тому, иному миру, принадлежавшему некогда ей и ее покойному мужу. Она старалась подавить это чувство, готовое в любое мгновение прорваться страстным желанием, так как не хотела тревожить нынешнего мужа; она заставляла себя думать о нем как о чем-то далеком и предназначенном для иного, нездешнего мира.

Однажды майским утром Кёко услышала по радио пение лесных птиц. Передачу вели с гор, недалеко от местности, где скончался ее первый муж. Проводив нового супруга на службу, она достала из туалетного столика ручное зеркало и стала разглядывать в нем ясное в тот момент небо. Потом поглядела в зеркало на свое лицо. И неожиданно сделала странное открытие: оказывается, свое лицо можно увидеть только в зеркале, а без него никак не обойтись. Теперь она каждый день разглядывала и трогала свое лицо, точно и вправду веря, что лицо в зеркале, собственно, и есть ее лицо, видимое без посредства зеркала. Но для чего бог создал человека так, чтобы он сам не мог видеть своего лица?

«А если бы человеку это удалось, он оказался бы в полной растерянности и, может быть, даже свихнулся?» – спрашивала она себя.

Нет, скорее всего, человеку с самого начала природой было не дано видеть свое лицо. А вот стрекозы и богомолы, должно быть, видят.

Лицо человеку необходимо, чтобы его видели другие? Что-то вроде побуждения к любви...

Она отложила ручное зеркало и вдруг заметила, что тутовая отделка туалетного столика не сочетается с камакурской резьбой ручного зеркала. То, прежнее зеркало сгорело вместе с мужем, и туалетный столик будто овдовел. Когда она дала мужу ручное зеркало и потом еще маленькое зеркальце, это принесло ему не только добро, но и зло. Ведь он каждый день видел в них также и свое лицо, разглядывая себя в зеркале, подмечал все новые признаки развития болезни и надвигающейся смерти. Если существует способ психологического убийства с помощью зеркала, то не получается ли, что Кёко совершила его? Она уже давно догадалась о зле, какое таит в себе зеркало, и даже пыталась отобрать его у мужа, но тот отказался наотрез.

– Ты хочешь лишить меня радости видеть, – сказал он тогда, – а я, пока жив, хочу наслаждаться видимым!

Он пожертвовал жизнью, чтобы дать жизнь миру, существующему в зеркале. Он любовался в зеркале луной, отраженной от ее отражения в луже воды, разлившейся во дворе

после дождя. И память об отраженной луне – но просто ли отраженной? – до сих пор хранится в ее сердце.

– Здоровая любовь бывает лишь у здоровых людей, – утверждает ее новый муж, и Кёко всякий раз смущенно кивает головой, но где-то в глубине души не соглашается с его словами. Вначале она упрекала себя: к чему было так избегать близости с больным мужем? Ведь это все равно не спасло его от смерти! Но незаметно эти мысли превратились в воспоминания о печальной любви, а потом она уже думала, что и тогда, когда они сделались воспоминаниями, сердце ее по-прежнему переполняла любовь, и она перестала упрекать себя.

А новый муж?... Не слишком ли просто понимает он женскую любовь?!

– Почему вы, такой добрый человек, расстались со своей прежней женой? – однажды спросила его Кёко. Тот промолчал. Кёко вышла за него, поддавшись настойчивым уговорам старшего брата покойного мужа. Прежде чем пожениться, они встречались четыре месяца. Новый муж был старше ее на пятнадцать лет.

Когда Кёко почувствовала, что ждет ребенка, она страшно перепуталась. «Я боюсь, я боюсь», – повторяла она, прижимаясь к мужу. Из-за мучительных приступов тошноты у нее, казалось, помутился разум. Она босиком выбегала во двор и жевала сосновые иглы. Отправляя в школу неродного сына, она совала ему с собой по две коробочки с завтраком, и почему-то обе – с рисом... А то вдруг уставится на ящик туалетного столика, и ей начинает казаться, будто он стал прозрачным и она видит лежащее внутри ручное зеркало с оправой камакурской резьбы. Среди ночи она просыпалась, садилась на матрац и подолгу разглядывала лицо спящего мужа. Со страхом думая о бренности человеческой жизни, развязывала пояс спального кимоно – может быть, хотела задушить мужа. И вдруг разражалась слезами. Муж просыпался, ласково успокаивал ее и снова завязывал пояс. А Кёко сотрясалась в холодном ознобе, хотя была середина лета и даже ночью было жарко и душно.

– Кёко, не забывай, что у тебя будет ребенок, – уговаривал ее муж, трясая за плечи.

Врач советовал поместить ее в больницу. Кёко отказывалась, но в конце концов ее уговорили.

– Хорошо, я лягу в больницу, но перед этим отпустите меня на несколько дней к родителям, – попросила она.

Муж отвез ее в родительский дом.

А на следующий день она поехала в горы, где последнее время жила с прежним мужем. Было начало сентября – тогда они приехали туда дней на десять позже. В поезде ее снова стали мучить жестокие приступы рвоты и головокружение. Она даже боялась, что придется сойти с поезда раньше. Все же она добралась до места, и, когда вышла на станции и полной грудью вдохнула свежий воздух, ей сразу полегчало. Она пришла в себя – будто мгновенно рассеялось владевшее ею наваждение. Кёко остановилась и со странным чувством поглядела на окрестные горы. Темно-синие горные цепи четко выделялись на фоне неба. Кёко ощутила вокруг себя живой мир. Утирая полные теплой влаги глаза, она направилась к их бывшему дому. И сегодня, как и в тот день, слышалось пение синиц из рощи, темневшей на розовом закате.

В доме кто-то жил – на окне второго этажа висели белые кружевные занавески. Не решаясь подойти ближе, Кёко глядела на дом и неожиданно, сама удивляясь своим словам, прошептала:

– Что будем делать, если ребенок окажется похожим на вас?

И, умиротворенная, пошла обратно к станции.